

Что наука работает одинаково для Бога и для дьявола, что она освѣщает человѣку мѣръ до посто́днихъ звѣздъ, но оставляетъ ночь въ его сердцѣ, эта мысль поддерживается философами, идущими по прямой отъ теологовъ

Истина, которой служить наука, можетъ быть и безотрадной: приложенія наукъ идутъ въ львиной долѣ на пользу капиталу. Но дѣлается-ли отъ того наука безнравственной?

Говорить такъ—значило бы, напр., допускать обвиненіе Евангелія въ ужасахъ Варфоломеевской ночи!

Я попрошу позволенія у читателя, за недостаткомъ мѣста, обратить вниманіе на слѣдующій примѣръ: допустимъ, что въ деревню, пораженную эпидеміей дифтерита, пришелъ послѣдователь Толстого или, напр., духоборъ Петръ Веригинъ и земскій врачъ.

Пока первые проповѣдывали бы ученіе о смыслѣ жизни, дѣти мерли бы, какъ мухи. Врачъ прекратилъ бы смертность прививкой противодифтеритной сыворотки—этой капитальной побѣды науки.

Оставаясь послѣдовательнымъ, Толстой долженъ былъ бы отвергнуть то, съ чѣмъ не согласилась бы ни одна мать, несмотря на полное раскрытіе смысла жизни...

Ученый фанатически не отвергъ бы разсужденій о смыслѣ жизни, продолжая дѣлать свое дѣло.

Онъ знаетъ, что, по мѣрѣ увеличенія шара наука въ объемѣ, каждая изъ точекъ шара все-таки продолжаетъ соприкасаться съ увеличившимся (для него, т. е. для ученаго) пространствомъ незнанія... И ученый, какъ таковой, подобно Сократу, скорѣе подавляется своимъ незнаніемъ, чѣмъ превозносится и фанатически кичится своимъ знаніемъ абсолютнаго.